

БЕН КАРСОН

в соавторстве с Сесиль Мерфи

МЫСЛИ ШИРОКО

ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ

УДК 23/25
ББК 87.7:5г
К21

Benjamin Carson, with Gregg Lewis
Think big
Перевод с английского Л. В. Гуртуева

Карсон, Бен., Льюис, Грегг.
Мысли широко/Бен Карсон [Пер. с англ. Л. В. Гуртуевой]. —
К21 Изд. 2-е, испр. — Заокский: Источник жизни, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-86847-

УДК 23/25
ББК 87.7:5г

Originally published in U.S.A. under the title: Think Big
Copyright © 1992 by Benjamin Carson, M.D.
Translation copyright © 2012 by Benjamin Carson; Cecil Murphey
Translated by L. Gurtueva
Published by permission of Zondervan, Grand Rapids, Michigan
© Перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Источник жизни», 2012

ISBN 978-5-86847-

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.	5
ЧАСТЬ 1.	7
ГЛАВА 1. ДЕЛАЙ ЭТО ЛУЧШЕ!	9
ГЛАВА 2. МОЯ МАТЬ СОНЯ КАРСОН	27
ГЛАВА 3. НАСТАВНИКИ, ВДОХНОВИТЕЛИ И ЛЮДИ, КОТОРЫЕ НА МЕНЯ ПОВЛИЯЛИ	51
ГЛАВА 4. НАСТАВНИКИ В МЕДИЦИНЕ	63
ГЛАВА 5. ДРУГИЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ	79
ГЛАВА 6. СОЗИДАЮЩИЕ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ	88
ГЛАВА 7. РОДИТЕЛИ И ПАЦИЕНТЫ	100
ГЛАВА 8. НЕ БОЙСЯ РИСКОВАТЬ!	112
ГЛАВА 9. НЕДОСТАТОЧНО	122
ЧАСТЬ 2.	131
ГЛАВА 10. ШИРОТА МЫСЛИ	133
ГЛАВА 11. ЧЕСТНОСТЬ ПОКАЖЕТ.	150
ГЛАВА 12. ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУТЬ	156
ГЛАВА 13. ХОРОШИЕ ПАРНИ ИДУТ ДО КОНЦА.	171
ГЛАВА 14. ЗНАНИЕ — ВАЖНО	181
ГЛАВА 15. КНИГИ НАПИСАНЫ, ЧТОБЫ ИХ ЧИТАЛИ	193
ГЛАВА 16. ДОСКОНАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ	204
ГЛАВА 17. ПРЕДУПРЕЖДАЮ: БОГ РАБОТАЕТ!	214
ГЛАВА 18. СТРЕМИСЬ К УСПЕХУ	227

ВВЕДЕНИЕ

Слава от богатства или красоты скоротечна и изменчива; совершенство ума — вот имущество восхитительное и долговечное.

Саллюстий (86–34 гг. до н. э.)

Эта книга о том, как мыслить широко и отдавать людям лучшее, что у нас есть, и особенно о том, как делать все, от нас зависящее, чтобы помогать другим. Это один из важнейших принципов моей жизни. Ее можно также назвать книгой о совершенстве. Или — о посвящении себя Богу.

А еще это произведение *о людях*, которые отдают самое лучшее и мыслят широко.

Я выбрал эту тему, потому что мир обращает большое внимание на звезд эстрады, знаменитых спортсменов, политиков, то есть на известных людей, которые совершили что-то выдающееся, многого достигли и получили признание. Я целиком и полностью за достижения, и ничуть не меньше — за их высокую публичную оценку. Но как же насчет тех, которые отдают людям самое лучшее, но так и не удостоиваются признания? Или богатства? Или почета? Или славы?

Моя жизнь богата и насыщена. Бог благословил меня во многом. Моя первая книга «Золотые руки» стала очень популярной и сделала меня центром внимания. Множество

людей выразили мне признательность за то, что я старался делать.

Старшеклассники писали мне, что книга бросила им вызов и изменила их жизнь. Преданные своему делу учителя раздавали ее экземпляры всем ученикам. Многие церковные общины приобрели большое количество экземпляров и раздали их студентам. Мне известны по меньшей мере два бизнесмена, которые купили по тысяче с лишним книг для своих подчиненных. И я очень благодарен всем этим людям.

Мне приятно знать, что моя история вдохновила многих, и я говорю спасибо за каждое слово одобрения. Также хочу обратить ваше внимание на один из важнейших аспектов: я сделал все это не один. На протяжении всего пути я получал помощь.

Знающие и посвященные люди полностью отдавали мне лучшее, что только могли. Я часто слышал слова признательности, но теперь хочу сделать *этих людей* центром внимания хотя бы на минуту. Они того заслуживают. Кроме того, хочу поблагодарить всех значимых для меня людей, которые помогли человеку по имени Бен Карсон к тридцатитрехлетнему возрасту подняться «со дна» пятого класса школы, где он был худшим учеником, до заведующего отделением детской нейрохирургии в клинике Джонса Хопкинса. Помимо того, что я самый молодой из всех, кто когда-либо занимал такую должность, ваш покорный слуга к тому же единственный чернокожий среди руководства в этом всемирно известном учреждении. Бог наделил меня способностями, но я никогда бы не осознал своего дара, никогда не смог бы воспользоваться им, если бы другие люди не потратили на меня время, если бы они не поделились со мной собственными дарами, отдавая лучшее, что имеют.

Надеюсь, что сейчас вы вместе со мной сделаете еще один шаг вперед. Я хочу снова провести вас по моей жизни и рассказать о тех особенных, редких, одаренных людях, которые помогли моим талантам раскрыться. Эта книга о тех, кто часто творит подобные чудеса, даже не осознавая этого, просто отдавая ближним самое лучшее.

ЧАСТЬ 1

ОТДАВАТЬ ЛУЧШЕЕ И МЫСЛИТЬ ШИРОКО

*Есть сердца верные, есть дух, полный отваги,
есть души чистые и правдивые;
так что отдавай миру лучшее из того, что
имеешь, и взамен получишь лучшее, что имеет мир.*

Маделин Бриджес

ДЕЛАЙ ЭТО ЛУЧШЕ!

Как раз через книги мы получаем удовольствие общаться с умами более совершенными. В лучших книгах великие люди говорят с нами, дарят нам свои самые ценные мысли, изливают свои души в наши. Благодарение Богу за книги. Они — голоса недостижимых или уже умерших — делают нас наследниками духовной жизни минувших веков. Книги поистине нелицеприятны. Всем, кто использует их правильно, они дают общество и духовное присутствие лучших и величайших представителей человеческой расы.

Уильям Эллери Ченнинг

— Бенджамин, это твой табель успеваемости? — спросила мама и взяла со стола сложенный пополам лист.

— Гм, ага, — отозвался я, стараясь выглядеть равнодушным. Мне было слишком стыдно подать табель ей в руки, и я бросил его на стол в надежде, что она заметит его уже после того, как я лягу спать.

Это был мой первый табель из начальной школы Хиггинс с того времени, как мы несколько месяцев назад вернулись из Бостона в Детройт.

Я не проучился в пятом классе и двух недель, а все одноклассники уже считали меня самым глупым и часто надо мной насмеялись. Скоро и я стал чувствовать себя так, словно правда был самым глупым в классе. Моя мама часто говорила мне: «Ты умница, Бенни. Ты сможешь достичь всего, чего захочешь», но я ей не верил. Ведь никто во всей школе не считал меня умницей. Теперь, внимательно просматривая мой табель, мама спросила:

— Что это тут за оценка по чтению?

По ее тону мне стало ясно, что я попал в переplet. Хотя мне было неловко, я не подавал виду. Мама и раньше знала, что я не очень-то успеваю по математике, но она понятия не имела, что по всем остальным предметам мои успехи были такими же жалкими.

Пока она медленно читала табель, слово за словом, я поспешил в свою комнату и начал укладываться спать. Через несколько минут мама вошла в детскую.

— Бенджамин, — сказала она, — это твои оценки?

Она держала пресловутый табель прямо передо мной, как будто раньше я его не видел.

— Ну, да... но это ничего не значит.

— Нет, неправда, Бенни, это много значит.

— Просто табель.

— Это больше, чем просто табель.

Я понял, что влип, и приготовился слушать. Но мне было не так уж интересно. Я очень не любил школу и не видел причины, почему мне следовало ее полюбить. Раз уж я самый тупой в классе, чего ожидать? Ребята смеялись и подшучивали надо мной каждый день.

— Образование для тебя — единственная возможность спастись от бедности, — сказала мама. — Это единственная возможность продвинуться и стать успешным в жизни. Ты это понимаешь?

— Да, мама, — промямлил я.

— Если ты и дальше будешь получать такие оценки, ты проведешь остаток жизни в подворотне или, в лучшем случае, ста-

нешь мести полы на каком-нибудь заводе. Не такой жизни я для тебя хочу. И не такой жизни тебе желает Бог.

Я повесил голову, мне по-настоящему стало стыдно. Мама воспитывала меня и моего старшего брата Куртиса одна. С тремя классами образования, она знала цену тому, чего у нее не было. Изо дня в день она внушала нам, что мы должны очень стараться и хорошо заниматься в школе.

— Вы просто не используете все свои возможности, — говорила она. — У меня два необыкновенно умных мальчика, и я знаю, что они могут учиться гораздо лучше.

Я делал все возможное, по крайней мере когда только пришел в начальную школу Хиггинс. Как я мог успевать лучше, если не понимал ничего, что происходило в классе?

В Бостоне мы посещали приходскую школу, но я не многому научился: преподаватель, казалось, больше интересовался разговорами с коллегой-учительницей, чем нашим обучением. Возможно, он не один был виноват. Может быть, мое эмоциональное состояние сделало меня неспособным полноценно усваивать материал.

Мы с мамой и Куртисом приехали в Бостон, потому что родители развелись, и мы не могли больше оставаться в Детройте. Мне было тогда восемь лет. Я любил и мать, и отца, и их развод стал для меня настоящей трагедией. Многие месяцы я тешил себя надеждой, что родители помиряются, что папа будет приходить домой, как раньше, и мы снова будем прежней семьей. Но он так никогда больше и не пришел. В Бостоне мы два года жили с тетей Джин и дядей Уильямом Авери в многоквартирном доме, пока мать не накопила денег, чтобы вернуться в Детройт.

Мама продолжала трясти передо мной табелем, сидя на краю моей кровати.

— Тебе придется поднапрячься. Ты должен начать пользоваться вот этим прекрасным мозгом, который Бог тебе дал, Бенни. Ты это понимаешь?

— Да, мама.

Всякий раз, когда она делала паузу, я покорно повторял эти слова.

— Я работаю среди богатых людей, у них хорошее образование, — говорила она. — Я наблюдаю, как они поступают, и знаю — они могут добиться всего, чего захотят. И ты тоже.

Мама положила руку мне на плечо.

— Бенни, ты можешь то же, что и они. Только ты можешь это лучше!

Мама уже говорила эти слова. Говорила часто. В то время они для меня мало значили. Да и с какой стати? Я был убежден, что являюсь самым глупым в своем пятом классе, но, разумеется, никогда ей этого не сообщал.

— Просто ума не приложу, что с вами делать, мальчики, — сказала она. — Я намерена поговорить с Богом о тебе и о Куртисе.

Она помолчала, ее взгляд был устремлен в пространство. Затем она произнесла (скорее для себя, чем для меня):

— Мне нужно Божье водительство, чтобы знать, что делать. Ты больше просто не имеешь права приносить такие вот табели.

Насколько я понял, тема успеваемости была исчерпана.

Следующий день, как и все предыдущие, казался всего лишь еще одним неприятным днем в школе, еще одним днем, когда надо мной смеялись. Я не решил правильно ни единой задачи по арифметике и не написал ни слова без ошибок в диктанте. Придя домой, я сразу же переоделся в спортивную одежду и выскочил на улицу. Большинство моих сверстников играли или в футбол или в игру, которую я любил больше всего: «Сбей крышку».

Мы резались в «Сбей крышку» так: крышку от бутылки клали в трещину в тротуаре. Потом брали мяч — любой, который был достаточно прыгучим, — вставляли в линию и по очереди бросали мяч в крышку, стараясь по ней попасть. Тот, кому это удавалось, получал два очка. Если кто-то ухитрялся сдвинуть крышку мячом на несколько дюймов, то выигрывал пять оч-

ков. Десять очков присваивалось тому, кто мячом подбрасывал крышку в воздух, а она приземлялась на противоположной стороне дороги.

Когда становилось темно или когда мы уставали, я и Куртис шли наконец домой и смотрели телевизор. Смотрели мы его до тех пор, пока не отправлялись в постель. У мамы был ненормированный рабочий день, и она никогда не приходила домой раньше нашего «отбоя». Иногда я просыпался оттого, что слышал, как она поворачивает ключ в замке.

Через два дня после истории с табелем мама вернулась за час до того, как мы собирались лечь спать. Я и Куртис, развалившись на полу, смотрели телевизор. Она пересекла комнату, решительно выключила его и повернулась к нам.

— Мальчики, — заявила мама, — вы теряете слишком много времени, сидя перед телевизором. Так образования не получишь.

Прежде чем мы успели возразить, она сообщила нам, что молилась о мудрости.

— И Господь сказал мне, что надо делать, — продолжала она. — Поэтому с сегодняшнего дня вы не будете смотреть телевизор. Кроме двух программ в неделю. Мы выберем их заранее.

— Только две программы? — я не верил, что она могла сказать такую ужасную вещь. — Но это же...

— И только после того, как вы выполните домашнее задание. А еще никаких игр и гуляний после школы, пока уроки не будут сделаны.

— Но другие мальчики выходят на улицу сразу после занятий, — сказал я, не в силах думать ни о чем, кроме своих товарищей, с которыми не смогу больше играть. — У меня и друзей не останется, если я буду все время сидеть дома...

— Очень может быть, — ответила мама, — но другие дети не собираются преуспеть в жизни, а ты будешь успешным.

— Но, мама...

— Вот так мы и поступим. Я просила Бога о мудрости и получила такой ответ.

Я попробовал привести еще несколько доводов, но мама была неумолима. Потом бросил взгляд на Куртиса, надеясь, что он меня поддержит, но брат не проронил ни слова. Он лежал на полу и разглядывал свои носки.

— Пусть тебя не беспокоят «остальные». Мир полон «остальных», но лишь некоторые из них достигают чего-то значительного.

Запрет на телевизор и на игры после школы — это огромная потеря. Я поднялся с пола, чувствуя, что все против меня. Мама не собиралась разрешать мне играть с друзьями, телевизора для меня больше не было — почти не было, но теперь уже все равно. Она отнимала у меня последние радости жизни.

— И это еще не все, — добавила мама, — Бенни, вернись.

Я обернулся, недоумевая, что еще она может сказать.

— Кроме того, вдобавок к урокам вы должны будете читать по две книги в неделю из библиотеки. Каждую неделю.

— Две книги? Две?

Хотя я учился в пятом классе, в жизни не прочел до конца ни одной книги.

— Совершенно верно, две. Когда закончишь читать, ты должен будешь написать мне изложение, как вы это делаете в школе. Вы не используете своих возможностей. Теперь я буду следить за тем, чтобы вы реализовывали их в полной мере.

Обычно Куртис, который на два года старше меня, не был таким послушным. Но на этот раз брат, казалось, осознал, что мама действительно говорит мудрые слова. Он молчал.

Она перевела глаза на Куртиса.

— Ты понимаешь?

Он кивнул.

— Бенни, тебе все ясно?

— Да, мама.

Я согласился делать так, как она сказала. Мне бы и в голову не пришло, что можно ослушаться. Но не нравилось мне все

это. Мама была несправедлива и требовала от нас больше, чем другие родители от своих детей.

* * *

На следующий день, в четверг, после школы мы с Куртисом отправились пешком в местный филиал библиотеки. Меня не очень-то это вдохновляло, но на самом деле я не знал, что такое — «проводить много времени в библиотеках».

Мы бродили вдвоем по небольшому детскому отделу, не имея ни малейшего представления о том, как выбирать книги, и не зная, какие взять.

Библиотекарь спросила, чем нам помочь. Мы ответили, что хотим взять по две книги каждый.

— Какие книги вы предпочитаете? — уточнила она.

Я подумал и сказал:

— Про животных, что-нибудь про животных.

— У нас есть несколько книг о животных. Уверена, что они тебе понравятся!

Она подвела меня к нужному стеллажу, а затем вернулась к Куртису и проводила его в другое крыло библиотеки. Я копался в книгах, пока не нашел достаточно легкие, чтобы я решил их прочитать. Одна из них — «Чип строит плотину» — стала первой книгой в моей жизни, которую я изучил от корки до корки, хотя на это мне потребовались две ночи. Потом я довольно неохотно признался маме, что читать о бобрёнке Чипе мне действительно понравилось.

Через месяц я так ориентировался в детском отделе, словно ходил туда всю жизнь. К тому времени работники этой библиотеки уже знали и нас с Куртисом, и то, что мы полюбили читать. Они часто подсказывали, какие книги взять. До сих пор помню, как одна из библиотекарей предложила:

— Вот просто восхитительная книжка о белочке.

Пока она рассказывала мне начало истории, я старался выглядеть безразличным, но как только книга оказалась в моих руках, я сразу же углубился в чтение.

ДЕНЬ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Самым замечательным было то, что мы стали любимцами библиотекарей. Когда приходили новые интересные книги, они придерживали их для нас. Скоро я уже диву давался, как много на свете разных изданий и сколько разных тем они охватывают!

После книги о бобре я выбирал другие — о самых разных зверях. Я читал все рассказы о животных, какие только попадали мне в руки: о волках, диких собаках, несколько историй о белках и о многих прочих живых существах, которые обитают в других странах. Когда я перечитал все книги о зверях, то начал читать о растениях, потом о минералах и, наконец, о камнях.

Книги о камнях стали для меня источником знаний, из которых я впервые извлек пользу. Мы жили около железнодорожных путей. По дороге в школу приходилось пересекать рельсы. Я стал обращать внимание на щебень между шпалами, часто бродил по железной дороге, искал разные виды камней и старался их определить.

Нередко я брал с собой книгу, чтобы проверить, не ошибся ли в названиях.

— Агат! — говорил я, бросая камень. Куртиса утомляла моя привычка искать булыжники и определять их названия, но мне было все равно, ведь я постоянно находил все новые и новые экземпляры. Вскоре моим любимым развлечением стало ходить вдоль рельсов и называть камни, которые попадают на пути. Я и не заметил, как за короткое время стал почти специалистом в этой области.

Мир книг — это самое выдающееся изобретение человечества. Ничто другое из созданного людьми не живет так долго. Памятники рассыпаются, нации погибают, цивилизации стареют и вымирают. После темной эпохи новые народы создают другие цивилизации и памятники. Но в мире книг есть такие тома, которые продолжают жить и оставаться настолько актуальными, словно они написаны сегодня. Они все еще рассказывают человеческим сердцам о людях, которые умерли столетия назад.

Во втором полугодии пятого класса произошли два события, которые убедили меня в том, как важно читать книги.

Наша учительница, миссис Уильямсон, каждую пятницу после обеда проводила диктант. Мы снова прописывали все слова, которые выучили за год. Иногда она даже диктовала то, что мы должны были запомнить в четвертом классе. Я ни разу не упустил возможности сделать ошибку в первом же слове.

В одну из таких пятниц Бобби Фармер, которого все единодушно признавали самым умным в нашем классе, должен был в заключение написать на доске «сельское хозяйство». Как только учительница продиктовала фразу, я понял, что могу написать ее без ошибок. Как раз накануне я запомнил, как она пишется, когда читал очередную книжку. Я написал «сельское хозяйство» в своей тетради и, затаив дыхание, посмотрел на доску. Бобби написал словосочетание так же, как и я! Если я смог написать без ошибки «сельское хозяйство», то готов биться об заклад, что запомню, как пишется любое слово в мире! Я мог поспорить, что научусь правописанию лучше, чем Бобби Фармер.

Одного «сельского хозяйства» оказалось достаточно, чтобы дать мне надежду.

На следующей неделе случилось второе событие, которое навсегда изменило мою жизнь. Когда мистер Джайк, учитель природоведения и естествознания, рассказывал о вулканах, он протянул руку и показал нам кусок камня, похожего на черное стекло.

— Кто-нибудь знает, что это такое? Какое отношение это имеет к вулканам?

Я тут же узнал камень, не зря же столько читал о минералах. Для порядка я подождал, но никто из класса не поднял руки. Я подумал, что это странно. Даже умники не нашли, что ответить. И тогда поднял руку сам.

— Да, Бенджамин, — сказал мистер Джайк.

Я услышал вокруг себя смешки. Другие ребята, наверное, подумали, что это шутка. Или что я собираюсь сморозить какую-нибудь глупость.

— Обсидиан, — произнес я.

— Совершенно верно!

Учитель старался скрыть свое удивление, но было очевидно, что он не ожидал от меня правильного ответа.

— Это обсидиан, — повторил я, — и он образуется при сверхохлаждении лавы, когда она отдает тепло воде.

Как только я привлек внимание и понял, что владею информацией, которой нет ни у одного из учеников, то начал выкладывать все, что знал об обсидиане, лаве, сверхохлаждении и прессовании.

Когда я наконец сделал паузу, чей-то голос сзади прошептал: «Это что, Бенни Карсон?»

— Ты абсолютно прав! — сказал мистер Джейк, улыбаясь мне.

Если бы он объявил, что я выиграл в лотерею миллион долларов, я бы не был более счастлив и взволнован.

— Бенджамин, это абсолютно, абсолютно верно! — повторял он с восторгом. Учитель повернулся к остальным и сказал: — Потрясающе! Класс, Бенджамин только что поделился с нами великолепными знаниями. Я очень рад, что слышал это от него.

Несколько мгновений я пробовал на вкус волнующую радость победы. Помню, что думал: «Вот это да! Смотрите на них! Они смотрят на меня с восхищением. На меня — тупицу, которого все считали глупым. Они смотрят и не верят, что это сказал я!»

Но больше всех в классе удивился я сам. Хотя я и читал по две книги в неделю, потому что мама так велела, до этой минуты мне не довелось осознать, как много разных знаний накапливается в моей голове. Правда, я научился получать от чтения удовольствие, но не понимал, как это связано со школой. В тот день — впервые в своей жизни — я понял, что мама была

права. Чтение — прекрасная возможность убежать от невежества и добиться многого. Больше я не был тупицей и посмешищем для класса.

Следующие несколько дней в школе я чувствовал себя героем. Всякие шутки на мой счет прекратились. Ребята стали ко мне прислушиваться. И меня это очень радовало!

Мои оценки по всем предметам улучшались, и я спрашивал себя: «Бен, есть ли какая-то причина, по которой ты не можешь стать лучшим в классе? Если ты смог запомнить все про обсидиан, ты усвоишь и обществоведение, и географию, и математику, и естествознание, и все-все-все».

Тот единственный миг триумфа вдохновил меня читать больше и больше. С тех самых пор я, казалось, не мог вдоволь начитаться. После школы меня всегда можно было найти в моей спальне. Там, удобно устроившись, я поглощал очередную книжку. Еще долгое время это было единственным, чего мне хотелось. Мне уже дела не было до пропущенных телепрограмм. Больше я не тосковал ни об игре в «Сбей крышку», ни о бейсболе и хотел только читать.

Через полтора года я сумел стать-таки лучшим учеником в классе. К сожалению, мне недостаточно было просто читать и учиться. Мне казалось, что я обязан продемонстрировать всему миру свои блестящие познания. Мое поведение было довольно надоедливым.

Но я об этом не догадывался до самого девятого класса. Однажды я спросил парня, который всегда меня презирал, как бы я ни старался быть дружелюбным:

— Почему ты так враждебно настроен? Почему ты меня ненавидишь?

— Да потому что ты очень навязчивый, — ответил он. — Потому что ты так много знаешь и делаешь все, чтобы другие это видели.

Сейчас уже не помню, ответил ли я что-то или просто отошел, но его слова мне запомнились. В пятом классе все смеялись надо мной, потому что я не знал ничего; теперь однокласс-

ники ненавидели меня за то, что я вел себя как всезнайка. Но мне казалось, что всем хочется услышать то новое, что я узнал, ведь знание было таким вдохновляющим, таким прекрасным и увлекательным. Я и не подозревал, что стал невыносим. Жесткий тон и суровые слова одноклассника отрезвили меня.

Я понял, что нужно меняться. Но, к сожалению, со мной должны были случиться еще несколько неприятностей, чтобы до меня наконец кое-что дошло.

С тех пор как я стал известен как Бен Карсон — лучший ученик в своем классе и сыпал ответами при малейшей возможности, я не просто отвечал учителю, а принимался рассказывать одноклассникам больше, чем они хотели знать.

Как я понял позднее, отчасти я хотел отомстить тем, кто смеялся надо мной в пятом классе. Они называли меня тупицей, и я продолжал вновь и вновь доказывать им, что они неправы. Думаю, к тому времени ребята и так все поняли, но я не мог остановиться. Это было так неправильно с моей стороны, но я все-таки это делал.

Я, тот самый мальчик, который никогда не давал ни одного верного ответа в тестах по арифметике, изменил положение вещей на 180 градусов, когда класс начал изучать углубленный курс алгебры. Как-то в середине четверти у нас был проверочный тест. Учительница добавила два дополнительных вопроса повышенной сложности. Когда она проверила работы и раздала их классу, я увидел, что один из лучших учеников набрал 91 балл. После занятий я подошел к нему и спросил:

— Привет, сколько у тебя баллов?

— 91.

Секунду я ждал, что он спросит: «А у тебя?» Но он не спрашивал, и тогда я выпалил:

— У меня 110, все правильно, включая два вопроса-бонуса.

— Что ты говоришь? В самом деле? — сказал он и пошел прочь.

— Ну, может, в следующий раз ты наберешь больше, — продолжал я.

— Ага, — отозвался он, не поворачивая головы.

— Если нужна помощь, скажи мне!

Он сделал вид, что не слышит.

* * *

К одиннадцатому классу я так увлекся достижениями ради достижений, что окружающим было неприятно даже находиться рядом со мной. Однажды по химии я получил 99. Это, конечно, тянуло на «А» (высший балл), но двое других заработали по 100 баллов!

Мне никто не сказал ни слова, но я был уверен, что те двое ликовали. Они превзошли мои результаты, чего не случалось последние четыре года.

К тому времени я убедил себя, что должен стать умнейшим во всей школе. Если кто-нибудь в чем-то меня превосходил, это заставляло меня думать, что я — не лучший. А когда я не был лучшим, то воспринимал это как полный крах.

Я снова и снова повторял себе, что действительно продул этот тест. Если бы я лучше учил материал или, может быть, чуть дольше подумал над ответами, то набрал бы 100. Весь оставшийся день я чувствовал себя ужасным неудачником. Мне вспомнился пятый класс и то, как со мной обращались.

«Я никогда больше не провалюсь», — пообещал я себе, все еще не понимая своей настоящей проблемы.

Но один случай помог мне увидеть себя со стороны.

В одиннадцатом классе учитель повел нас на экскурсию в исторический музей. Когда мы рассматривали фотографии Детройта 1890 года, я прошептал стоящему со мной рядом Энтони Флауэрсу:

— Вот было бы здорово оказаться в том времени, зная все, что я знаю сейчас! Я был бы там умнее всех.

— Ты и так умнее всех, — сказал Энтони, — зачем тебе это надо?

— Да так, повеселиться, — ответил я. Но про себя задумался: «Зачем же мне надо доказывать людям, что я умнее их?»

Простой вопрос Энтони заставил меня пристально посмотреть на Бенджамина Карсона. Это был момент истины, откровение: я понял, что мое желание быть умнее всех легко прочитывается остальными. Никто не ценил тот непрерывный поток информации, который я выдавал на-гора. Похоже, одноклассники не стали ко мне относиться лучше, когда обнаружили, что я поумнел. Мало того, некоторых я начал сильно раздражать.

Затем еще одна мысль поразила меня: может, мне следует измениться? Что если просто быть уверенным в себе и не выпячиваться? Кто сказал, что я должен давить всех своей ученостью? Я сам могу пользоваться своими знаниями, разве не это главное?

С того дня я изменился, потому что очень этого захотел.

Оглядываясь назад и присматриваясь к интеллектуальному монстру, которым я стал, думаю, что это произошло отчасти потому, что меня подталкивали к этому. Мама не уставала напоминать мне каждый день, что я «должен быть лучшим». Эта идея крепко во мне засела. Но все-таки мама не имела в виду, чтобы я хвастался или кичился своим превосходством. Не подразумевала она и то, что мне следует выпячивать свои знания и выставлять их напоказ, доводя окружающих до бешенства.

На то чтобы победить желание быть лучше всех, ушло много времени. Наконец мне стало понятно, что мама пыталась до меня донести: я должен стараться изо всех сил делать самое лучшее, на что только способен. Вот и все, чего она и люди ждут от меня. Часто она даже произносила именно эти слова, но у меня все-таки ушло много времени, чтобы связать все воедино.

События повернулись наилучшим образом и заставили меня глубже понять все вышесказанное, когда я поступил в Йельский университет. Я все еще искренне полагал, что был умнее кого бы то ни было. Но в университете встретил других студентов, которые в своих школах тоже были лучшими и знали гораздо больше, чем я. А некоторые из них оказались гения-

ми. Они умели «учиться досконально». Я снова почувствовал себя отстающим.

То, что я постоянно находился рядом с талантливыми студентами, заставило меня совсем по-другому оценить свои способности. В течение нескольких недель я вновь испытывал те же эмоции, что и в пятом классе. Я глубоко исследовал себя и молился. Самоанализ помог мне осознать, что да, я умен, но не умнее всех. У меня не было никакой причины ожидать от себя, что я опять стану лучше всех. Если я собираюсь достичь каких-то целей, мне следует настроиться на упорный труд, как это делают все вокруг. Я не прирожденный гений.

Возможно, это был самый главный урок, который я усвоил в первом семестре своей учебы в Йеле. Уверен, попади я в учебное заведение, где требования к студентам были бы чуть мягче, я продолжал бы скользить по поверхности и никогда в жизни не достиг бы ничего.

* * *

И еще одно событие сыграло важную роль. У меня всегда был дурной нрав, который я обрушивал на всякого, кто мне возражал. Однажды, в четырнадцатилетнем возрасте, я поспорил с другом. Его звали Боб. Вытащив походный нож, я ринулся на Боба. Стальное лезвие ударило о металлическую пряжку его ремня и лязгнуло.

Осознав, что чуть не убил друга, я бегом бросился домой, заперся в ванной комнате и долго сидел на краю ванны. Меня мучил стыд, с раскаянием я долго молился, чтобы Бог избавил меня от моего взрывного характера.

Наконец я выскользнул из ванной, чтобы взять Библию, открыл ее и стал читать Притчи. Стих, который поразил меня сильнее всего, звучит так: «Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою *лучше* завоевателя города» (Притч. 16:32).

За те два или три часа, которые я провел в ванной, Бог совершил в моей жизни чудо: Он освободил меня от бешеного нра-

ва, и я могу честно сказать, что с тех пор гнев больше никогда меня не посещал.

Я рассказываю эту историю, потому что тот день зародил во мне привычку, с которой я иду по жизни: это ежедневное чтение Книги Притчей. Теперь я почти каждый день читаю что-нибудь из этой книги. Долгое время я не обращал особого внимания на тексты о гордыне, но они, как и постоянные наставления мамы, в конце концов отложились в моем сознании.

Слова из Притчей наконец пробились к моему сердцу и заставили многое в жизни пересмотреть. Особенно мне запомнилось: «Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь» (Притч. 29:23).

Чем больше я читал Книгу Притчей, тем больше понимал, как Бог ненавидит гордыню и высокомерие. Чем больше я читал о гордыне, тем яснее видел, что Господь не будет мной доволен, если я останусь высокомерным: «Страх Господень — ненавидеть зло; гордость и высокомерие, и злой путь, и коварные уста я ненавижу» (Притч. 8:13), — писал Соломон. Освобождение не пришло ко мне назавтра, оно началось в тот самый день. С тех пор, когда кто-либо указывал мне, что я веду себя высокомерно, я как будто получал резкий удар в живот.

Даже сейчас победа над гордостью — это всегда результат борьбы. Если человек делает что-то исключительно хорошо и люди признают это, ему приходится бороться с собой, чтобы не возгордиться. Для меня дело обстоит еще сложнее, поскольку родственники моих пациентов часто говорят что-нибудь вроде: «О, вы чудесный человек! Вы такой замечательный!» после каждой удачной операции, а затем продолжают: «Вы — чудо. Вы такой одаренный». Я знаю, что они не имеют в виду ничего плохого, но также знаю, что у меня не было бы успешных операций без помощи множества других одаренных людей. Более того, если бы **Бог** не наделил меня даром нейрохирурга, я не стал бы столь успешным.

Как большинство людей, я чувствую себя неудобно, когда слышу похвалу в свой адрес, это смущает меня. Я достиг многого и настроен достичь значительно большего, но всегда напоминаю себе, что не смог бы ничего добиться без помощи отличных медсестер и высококвалифицированных врачей, которые помогали мне ставить предоперационные диагнозы и планировать операции. Мне также необходимы отзывчивые люди, которые достаточно любят тяжелобольных пациентов, чтобы выхаживать их в течение трудного послеоперационного периода.

И конечно, нельзя не отметить полное доверие Богу, Который устраивает обстоятельства и наделяет нас способностью выполнять нашу работу.

Последние несколько лет я тружусь главным хирургом в клинике Джонса Хопкинса в команде, которая усовершенствовала гемисферэктомия¹. Кроме того, в 1987 году вместе с другими семьдесятю членами команды я впервые в истории медицины успешно разделил сиамских близнецов, сросшихся затылками. Успешно, потому что оба мальчика выжили. Людям свойственно связывать успех с именем одного человека, даже если этот человек — далеко не единственный, кто заслуживает восхищения. Нас было семьдесят!

С годами я осознал, что Бог одарил меня не только врожденными способностями к хирургии, но и наделил даром сочувствия к моим пациентам. Это, однако, не дает мне права хвалиться: я всего лишь использую дары, данные мне свыше.

Зная это, я не могу не испытывать чувства благодарности Господу.

* * *

Когда я рос, мама много раз снова и снова говорила мне: «Бенни, ты можешь стать, кем захочешь! Только проси Бога о

¹ Гемисферэктомия — операция по удалению части или целого полушария головного мозга пациента, которую проводят, чтобы избавить его от эпилепсии.

поддержке. И Всевышний поможет тебе, если ты делаешь все, что от тебя зависит».

Говоря о богатых людях, она повторяла: «Бенни, ты можешь все, что и они, только ты можешь это лучше». Многочисленные уроки, преподанные мне мамой, я могу выразить одной фразой: ***всегда делай все самым лучшим образом.***

Размышляя об этом простом совете — всегда делать все самым наилучшим образом, я понял, что это и есть главный секрет того, как такой выходец из неграмотных черных кварталов поднялся до своего высокого положения. Более того, хочу еще раз подчеркнуть — я никогда не добился бы этого в одиночку!

В последующих главах хочу рассказать вам не только о том, как сам старался все делать безукоризненно и мыслить широко, но и о других людях, которые, делая все самым лучшим образом, меняли и свою жизнь, и жизнь окружающих.

ГЛАВА 2.

МОЯ МАТЬ СОНЯ КАРСОН

Мать — это не человек, от которого ты зависишь, а человек, который научит тебя ни от кого не зависеть!

Дороти Кенфилд Фишер

«Книга „Золотые руки“ — не о Бене Карсоне, — сказала одна читательница моему соавтору. — Эта книга о матери и ее влиянии. Мать присутствует даже в главах, где о ней не идет речь. Она присутствует во всем, что делает Бен».

Эта читательница поняла все правильно. Каждый, кто со мной знаком лично или читал обо мне, знает, что характер матери оказал на мою жизнь очень большое влияние. Поскольку эта книга о том, как мыслить широко и отдавать все самое лучшее, чтобы помогать другим, я хочу прежде всего рассказать о том, как сильно повлияла на меня в детстве моя мама. В этой главе Соня Карсон сама поделится с вами воспоминаниями о том, как растила меня и брата.

СОНЯ КАРСОН:

Моя личная жизнь началась так, как обычно оканчиваются любовные романы. В тринадцать лет, с тремя классами начальной школы я вышла замуж за красавца-мужчину, кото-